

№ 1-2 (37-38).

1962

Цена \$ 0,50

Год издания IV-ый

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	стр.
И. И. ТЕРЕХ: УКРАИНИЗАЦИЯ ГАЛИЧИНЫ	3
Д-р. А. ГЕРОВСКИЙ: РУССКИЕ РУБЛИ ДЛЯ КАРПАТСКОЙ РУСИ.	9
М. Д. КАРАТЕЕВ: НЕКОМАТ-СУРОЖАНИН	11
ЛЬВОВСКИЙ: ИЛЬЯ ИВАНОВИЧ ТЕРЕХ	13
М. БАШИЛОВ: ГЕОРГИЙ АРГАМАКОВ	16

СВОБОДНОЕ СЛОВО КАРПАТСКОЙ РУСИ

FREE WORD CARPATHO-RUSSIAN MONTHLY

P. O. Box 992, Newark 1, N. J. — U. S. A.

№ 1-2 (37-38)

1962

Цена \$ 0.50

Год издания IV-ый

ЗАВЕЩАНИЕ ГИТЛЕРА

Гитлер стыдно умирает,
Заповедь всем оставляет:
Щоб мир во век памятал,
Щоб России не трогал.
Бо кто тронет ее вновь,
С ним так будет, як со мной.
Яку силу я поклал,
Все в России потерял.
Подумаешь — страшно знати:
Все тут танки и арматы,
Аэропланов легионы
И народа миллионы.
Навеки тут я пропал —
Свою страну закопал.
Весь свет будет памятати,
Як с Россией воевати.

Со стыдом я уж кончаюсь,
Русским войскам я кланяюсь.
Этого богатыря
Не победишь никогда!
Стреляют тут по тебе,
А не знаешь, кто тя бье.
Тут партизан частоколом,
Баба мастит макогоном,
Девки лупят праниками,
А мальчишки камнями,
Щей собаки с заду рвут.
Куда звернись, — всюду бьют.
Вже не можно фронт тримати,
Пришлось с встыдом утекати.
Гитлер думал, що он босс —
русский народ — то навоз:
„Тут мы дуже помились,
Мы им землю погноили.
Повторяю мой завет,
Щоб го помнил цельый свет —
И помнили слова си:
Не трогайте вы России!”

Нестор Ладанюк.
(Астория 1944 года)

От редакции: Мы помещаем это стихотворение так, как оно было написано честным галичанином, который не поддался ни польско-не-

мецко-папской, ни коммунистической украинской пропаганде и считает себя русским православным человеком, не желая по приказу врагов Руси менять свое честное русское имя.

РУССКИЕ ЛЮДИ!

Пусть новый год будет годом новых успехов в борьбе за православную русскую печать!

Помогите вашими пожертвованиями создать Издательский фонд „Свободного Слова”, чтобы в этом году нам перейти на ежемесячный выпуск журнала.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Доводим до сведения лиц, желающих приобрести исторический роман М. Каратеева

ЯРЛЫК ВЕЛИКОГО ХАНА,

что небольшое количество экземпляров еще имеется у автора. Стоимость книги с пересылкой 4 доллара. Заказы направлять по адресу:
Dr M. Karateeff, Balneario Atlantida, R. O. del Uruguay, S. America.

а деньги одновременно почтовым переводом на имя:

„Free Word” P. O. Box 992,
Newark 1, N. J. — U. S. A.

Издатель:

Инициативная группа для организации карпато-русского общества.

Редактор: М. ТУРЯНИЦА
(M. Turjanica)

Form 3547 — Return Postage Guaranteed

Printed in USA.

Верные Чада Христовой Церкви Православной

сыны разсеяния русского, ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Дивный гмн вселенной „ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ — ВОИСТИНУ ВОСКРЕСЕ” да исполнит сердца ваши бодростью и да укрепит в вере в грядущее Воскресение Руси-России. Нет у России в мире друзей. Не только не хочет „мир свободный” ее вызволения от уз сатанизма, но и боится возрождения Православной России. Это мы чувствуем и видим.

Сколько в мире светлого и прекрасного. И все это сверху отравляется. Если бы на верхах народов стояли люди свободные, порядочные и пред Богом ходящие, быстро бы в мире порядок и мир восстановились, все бы в мире „добро зело” было. Но, как говорил проф. И. А. Ильин, свой пир ныне правит „закулиса мировая”...

В течение свыше сорока лет наших скитаний и знакомства с „миром свободным”, углубляясь в тайны „бескровной” и ныне в России происходящего, мы убедились в том, что только в Побе-

дите ада и смерти источник сил нашего народа, и верим, что за слезы вдов и сирот, за кровь многих, многих миллионов мучеников, за страдания праведников — возродит Промыслитель Господь Русь Святую, и произойдет это неожиданно, вопреки планам партий и всех мудрецов века сего, ныне мир ведущих.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ.

Нам, сынам Руси в рассеянии, да поможет Воскресший в единстве веры утвердиться, восстановить нарушенное единство Руси Зарубежной в ее устремленности к борьбе за Православную Россию и всегда пребывать в союзе неразрывном со страждущим народом-христианином.

Пасха 1962 г.

Митрофорный Протоиерей Митрофан
Зноско-Боровский.

И. И. Терех

Украинизация Галичины

От редакции: Ниже помещаем статью покойного И. И. Тереха — крупного общественного деятеля Галицкой (Червонной) Руси, известного русского мифолога, — в которой автор четко и ясно рассказывает нам о той страшной кровавой бешеной борьбе Ватикана, немцев и поляков против русских людей Галичины во имя создания искусственного антинародного украинизма и антихристианской унии.

Статья была написана И. И. Терехом вскоре после присоединения к Советскому Союзу Галичины и других западнорусских земель, находившихся под польской оккупацией. Вот почему у автора статьи могла сохраниться капля надежды на то, что советы примут во внимание (уважат) историю

Весь трагизм галицких „украинцев” состоит в том, что они хотят присоединить „Великую Украину”, 35 мил., к маленькой „Западной Украине”, (так они стали называть после первой мировой войны Галичину) — 4 миллиона, т. е., выражаясь образно, хотят пришить кожух к пуговице, а не пуговицу к кожуху. Да и эти четыре миллиона галичан нужно разделить надвое. Более или менее половина из них, т. е.

Галицкой Руси и не будут насильственным образом продолжать подлое дело украинизации.

Но коммунисты своей антирусской политикой в Галичине, в Буковине и на Закарпатской Руси, которая была присоединена к СССР непосредственно после второй мировой войны, лишней раз демонстрируют свой антинародный характер.

Теперь стало еще труднее, еще опаснее бороться за русское единство, чем это было во времена Австрии или Польши. Но русский народ Червонной Руси не сдается: приспособившись к советским условиям, он ведет и дальше борьбу за народную общерусскую правду.

**

те, которых полякам и немцам не удалось перевести в украинство, считают себя издревле русскими, не украинцами, и к этому термину, как чужому и навязанному насильно, они относятся с омерзением. Они всегда стремились к объединению не с „Украиной”, а с Россией, как с Русью, с которой они жили одной государственной и культурной жизнью до неволи.

Из других двух миллионов галичан, назы-

вающих себя термином, насильно внедряемым немцами, поляками и Ватиканом, нужно отнять порядочный миллион несознательных и малосознательных „украинцев”, не фанатиков, которые, если им так скажут, будут называть себя опять рускими или русинами. Остается всего около полмиллиона „завязнутых” галичан, которые стремятся привить свое украинство (то есть ненависть к России и всему русскому) 35-ти миллионам русских людей Южной России и с помощью этой ненависти создать новый народ, литературный язык и государство.

Здесь будет уместно изложить вкратце историю украинизации поляками, а затем немцами Галицкой (Червонной) Руси, о которой „украинцы” умалчивают, а мир о ней почти не знает.

После раздела старой Польши в 1772 г. и присоединения Галичины к Австрии и после неудавшихся польских восстаний в России в 1830 и 1863 г.г. и Австрии (в 1848 г.) с целью восстановления польского государства, польская шляхта Галичины, состоявшая из владельцев крупных латифундий, заявила свое верноподданничество Францу Иосифу (пресловутое: „Пржи тебе стоимы и стаць хцемы!”) и в награду получила полную власть над всей Галичиной, т. е. и над восточной, русской ее частью*). Получив такую власть, поляки и их иезуитское духовенство продолжали, как и в старой Польше, полонизировать и окатоличивать коренное русское население края. По их внушению, австрийские власти неоднократно пытались уничтожить слово „русский”, которым с незапамятных времен называло себя население Галичины, придумывая для него разные другие названия.

В этом отношении особенно прославился наместник Галичины — граф Голуховский, известный руссоед. В 60-ых годах прошлого столетия поляки пытались уничтожить кириллицу и ввести вместо нее для русского населения латинскую азбуку. Но бурные протесты и чуть ли не восстание русского населения устрасили центральное венское правительство, и польские политические махеры принуждены были отказаться от своего плана отделить русский галицкий народ от остального русского мира.

*) Получивши при первом разделе Польши ту часть Речи Посполитой, которая впоследствии была известна под названием „Галиция”, австрийское правительство создало из нее отдельную провинцию под названием „Королевство Галицкое и Владимирское” (Koenigreich Galicien und Lodomerien) Две трети этой территории были заселены коренным русским населением.

Дух национального сепаратизма и ненависти к России поляки постоянно поддерживали среди русского населения Галичины, особенно среди ее интеллигенции, лаская и наделяя теплыми местечками тех из них, которые согласны были ненавидеть „москалей”, и преследуя тех, кто ратовал за Русь и православие (надеждавший шум в 80-ых годах процесс против Ольги Грабарь и свящ. И. Наумовича)**) В 70-ых годах поляки начали прививать чувство национального сепаратизма и галицко-русскому сельскому населению — крестьянству, учредив для него во Львове с помощью вышеупомянутой т. н. интеллигенции, общество „Просвита”, которое стало издавать популярные книжечки злобно сепаратистического-руссофобского содержания.

Чтобы противодействовать работе поляков, галичане в противовес „Просвите”, создали „Общество имени Михаила Качковского”. Таким образом в 70-ых годах начался раскол.

В 1890 году два галицко-русских депутата галицкого сейма — Ю. Романчук и А. Вахнянин — объявили с сеймовой трибуны, „от имени” представляемого ими населения Галичины, что народ, населяющий ее — не русский, а особый, украинский. Поляки и немцы не раз уже и раньше пытались найти среди русских депутатов людей, которые провозгласили бы галичан особым, отдельным от русского, народом, но не находили никого, кто решился бы на такую очевидную бессмыслицу, на измену горячо в Галичине любимой Руси. Романчук и Вахнянин были преподавателями русской (с одним „с”) гимназии во Львове. В молодости они были горячими русскими патриотами. Вахнянин, будучи композитором, п и с а л

**) После покушения на жизнь А. Добрянского в Ужгороде, организованного мадьярами, он переселился со своей дочерью Ольгой Грабарь во Львов, где тогда проживала другая дочь его — Алевксия Геровская.

К нему во Львов начали приезжать русские галичане, в особенности униатские священники, из которых многие впоследствии переписывались с ним. Ольга Грабарь исполняла роль секретарши при своем отце, и большинство писем было написано ее рукою. Пишущих машинок в то время еще не было. Когда один из священников — о. Наумович — открыто перешел со своим приходом в православие и отрекся от папы, то австрийское правительство объявило это государственной изменой. Добрянского, его дочь Ольгу Грабарь и о. Наумовича посадили во Львове в тюрьму, в которой они просидели шесть месяцев. Суд присяжных оправдал их, но Добрянского сослали сначала в Вену, а затем в далекий Тироль (город Инсбрук).

пламенную музыку к патриотическим русским боевым песням („Ура! На бой, орлы, за нашу Русь святую”!)

До конца 19-го ст. термины „украинец, украинский” были употребляемы только кучкой украинствующих галицко-русских интеллигентов. Народ не имел о них никакого понятия, зная лишь тысячелетние названия — Русь, русский, русин, землю свою называл русской и язык свой — русским. Официально с л о в о „русский” писалось с одним „с”, для того чтобы отличить его от правильного начертания с двумя „с”, употребляемого в России. Нового правописания (без букв — ъ, ы, ъ) в галицко-русском наречии до этого времени не было. Все журналы, газеты и книги, даже украинствующих, печатались „по-русски” (галицким наречием), старым правописанием. На ряде кафедр львовского университета преподавание велось на русском языке, гимназии назывались „русскими”, в них преподавали руску историю и руский язык, читали рускую литературу.

С 1890 года, после декларации Романчука и Вахнянина, все это исчезает, как бы по маговению волшебной палочки. Вводится в школах, судах и во всех ведомствах новое правописание. Издания украинствующих переходят на новое правописание, старые „русские” школьные учебники изымаются, и вместо них вводятся книги с новым правописанием. В учебнике литературы на первом месте помещается в искаженном переводе на галицко-русское наречие монография М. Костомарова: „Две русские народности”, где слова Малороссия, Южная Русь заменяются термином „Украина” и где подчеркивается, что „москаля” похитили у малороссов имя „Русь”, что с тех пор они остались как бы без имени, и им пришлось искать другое название. По всей Галичине распространяется литература об угнетении украинцев москалями. Оргия насаждения украинства и ненависти к России разыгрывается во всю.

Россия, строго хранящая принципы невмешательства в дела других государств, ни словом не реагировала в Вене на польско-немецкие проделки, открыто направленные против русского народа. Галичина стала Пиемонтом украинства. Возглавлять этот Пиемонт приглашается из Киева Михаил Грушевский. Для него во Львовском университете учреждают кафедру „украинской истории” и поручают ему составить историю „Украины” и никогда не существовавшего и не существующего „украинского народа”. В награду и благодарность за это кайново дело Грушевский получает „от народа” виллу-дом и именуется „батьком” и „гетманом”. Со стороны украинствующих начинают сыпаться клеветы и доносы на русских

галичан, за что доносчики получают от правительства теплые места и щедро снабжаются австрийскими кронами и немецкими марками. Тех, кто остаются русскими и не переходят в украинство, обвиняют в том, что они получают „царские рубли”. Ко всем передовым русским людям приставляются сыщики, но им ни разу не удается перехватить эти рубли для вещественного доказательства.

Население Галичины на собраниях и в печати протестует против нового названия и нового правописания. Посылаются записки и делегации с протестами к краевому и центральному правительствам, но ничего не помогает: народ, мол, устами своих представителей в сейме потребовал этого.

Насаждение украинства по деревням идет туго, и оно почти не принимается. Народ держится крепко своего тысячелетнего названия. В русские села посылаются исключительно учителя украинофилы, а учителей с русскими убеждениями оставляют без мест.

Надобно заметить следующее: когда поляки увидели, что немцы хватились за их изобретение „украинский” и насаждают его для своих целей, они пошли против этого термина и не допустили его официально ни в школах, ни в ведомствах, и держались этого даже в новой Польше, употребляя название „русский” или „русинский”.

Русское униатское духовенство (священники были с университетским образованием) было чрезвычайно любимо и уважаемо народом, так как оно стояло всегда впереди в борьбе за Русь и русскую веру, и за улучшение его материального положения. Было его вождем, помощником, учителем и утешителем во всех скорбях и страданиях в тяжелой неволе. Ватикан и поляки решают уничтожить это духовенство. Для этой цели возглавляют они русскую униатскую церковь поляком — графом Шептыцким, возвысив его в сан митрополита. Мечтая стать уникаским патриархом „Великой Украины от Карпат” после разгрома России и перевода всех русских людей Южной Руси в унию, Шептыцкий относился с нерадивостью к миссии, для которой наметили его поляки, в планы которых вовсе не входило создание Украины под Габсбургами или Гогенцолернами, а исключительно ополячение русского населения для будущей Польши. Он отдался со всей пылкостью молодости (ему было всего 35 лет, когда его сделали митрополитом) служению Австрии, Германии и Ватикану для осуществления плана разгрома России и мечты о патриаршестве. Тщеславный и честолюбивый, Шептыцкий служил им. нужно признать, всюю душою. Несмотря на свой высокий сан, он, переодетый

в штатского и с подложным паспортом часто пробирался в Россию, где с украинствующими помещиками и интеллигентами подготовлял вторжение Австро-Венгрии и Германии на „Украину“, о чем он лично докладывал Францу-Иосифу, как его тайный советник по „украинским делам“ и секретно от него сообщал о сем и германским властям, как это было обнаружено в 1915 г. во время обыска русской разведкой его палаты во Львове, где между другими компрометирующими документами была найдена и копия его записки Вильгельму II-му о прогрессе „украинского движения в России“. Мечтательный и жадный к титулам и власти граф, пытаясь прибавить к будущему титулу патриарха титул кардинала, часто ездил в Рим, где он услаждал слух Ватикана своими россказнями о недалеком разгроме схизматической России и о присоединении к св. Престолу под скипетром Его Апостольского Величества Императора Франца-Иосифа 35 миллионов „украинских овец“. Но польские шлягуны-магнаты и польские иезуиты, имевшие влияние в Ватикане, мстя Шептицкому за ослушание, не допустили возвышения его в кардиналы. После создания новой Польши и присоединения к ней Галичины, Шептицкий, надеясь на Гитлера, не переставал мечтать о патриаршестве и ратовал, как и прежде, за разгром России. Но по велению карающего рока, все его идеи, идеалы, мечты и грезы потерпели полное и страшное крушение.

С появлением Красной Армии в восточной Галичине, он, разбитый параличем 75-тилетний старик, лишился сразу всех титулов, и настоящих и будущих, и терпит великие страсти уже на сем белом свете в наказание за свои тяжкие прегрешения против Руси. В русской истории его имя будет стоять рядом с именем Поция, Терлецкого, Кунцевича и Мазепы.

Возвращаясь к насаждению украинства в Галичине, нужно отметить, что с назначением Шептыцкого главой униатской церкви прием в духовные семинарии юношей русских убеждений прекращается. Из этих семинарий выходят священниками заядлые политиканы-фанатики, которых народ назвал „попиками“. С церковного амвона, они, делая свое каиново дело, внушают народу новую украинскую идею, всячески стараются снискать для нее сторонников и сеют вражду в деревне. Народ противится, просит епископов сместить их, бойкотировать богослужения, но епископы молчат, депутаты не принимают, а на прошения не отвечают. Учитель и „попик“ мало-помалу делают свое дело: часть молодежи переходит на их сторону, и в деревне вспыхивает открытая вражда и доходит до схваток, иногда кровопролит-

ных. В одних и тех семьях одни дети остаются русскими, другие считают себя „украинцами“. Смута и вражда проникают не только в деревню, но и в отдельные хаты. Малосознательных жителей деревни „попики“ постепенно прибирают к своим рукам. Начинается вражда и борьба между соседними деревнями: одни другим разбивают народные собрания и торжества, уничтожают народное имущество (народные дома, памятники — среди них памятник Пушкину в деревне Заболотовцы). Массовые кровопролитные свхатки и убийства учащаются. Церковные и светские власти на стопоне воинствующих попиков. Русские деревни не находят нигде помощи. Чтобы избавиться от „попиков“ многие из униатства возвращаются в православие и призывают православных священников. Австрийские законы предоставляли полную свободу вероисповедания, о перемене его следовало только заявить административным властям. Но православные богослужения разгоняются жандармами, православные священники арестовываются и им предъявляется обвинение в государственной измене. Клевета о „царских рублях“ не сходит со столбцов украинофильской печати. Русских галичан обвиняют в „ретроградстве, черносотенстве“ и т. п., тогда, как сами клеветники, украинофилы, пользуясь щедрой государственной помощью, отличались звериным национализмом и готовились посадить на престол Украины судившегося после войны за обман во Франции — пресловутого Габсбурга „Василя Бышиваного“.

Россия и дальше молчит: Дескать, не ее дело вмешиваться во внутренние дела другого государства. Галицко-русские интеллигенты, чтобы удержать фронт в этой неравной борьбе, чтобы содержать свою преследуемую конфискациями прессу и свои общества, облагают себя податью во сто корон и свыше ежемесячно и собирают среди крестьянства средства с помощью так называемой лавины-подати.

Против украинской пропаганды решительнее всех реагировала галицко-русская студенческая молодежь. Она выступила против украинской „Новой Эры“ открытым русским движением — „Новым курсом“. Галицко-русские народные и политические деятели опасаясь усиления террора, вели все время консервативную, осторожную и примирительную политику с поляками и с австрийскими властями. Чтоб не дразнить ни одних, ни других, они придерживались в правописании официального термина „русский“ (с одним „с“) и всячески пытались замаскировать свои настоящие русские чувства, говоря молодежи: „будьте русскими в сердцах, но никому об этом не говорите, а то нас сотрут с лица земли. Россия никогда не засту-

палась за Галичину и никогда не заступится. Если мы будем открыто кричать о национальном единстве русского народа, Русь в Галичине погибнет навеки". Хотя вся интеллигенция знала русский литературный язык, выписывая из России книги, журналы и газеты, но по вышеуказанной причине не употребляла его в разговоре. Разговорным языком у нее было местное наречие. По этой же причине и книги и газеты издавались ею на странном языке — „язычии", как его в насмешку называли, т. е. на галицко-русском наречии с примесью русских литературных и церковнославянских слов, чтобы таким образом угодить и Руси и не дразнить чистым литературным языком властей. Словом, ставили свечу и Богу и черту огарок. Молодежь, особенно университетская, не раз протестовала против этих „заячьих" русских чувств своих отцов и пыталась открыто говорить о национальном и культурном единстве всех русских племен, но отцы всегда как то успевали подавлять эти рвущиеся наружу стремления детей. Молодежь раньше изучала русский литературный язык в своих студенческих обществах без боязни, открыто, и тайно организовала уроки этого языка для гимназистов в „бурсах" (общезитиях) и издавала свои газетки и журналы на чистом литературном языке. После „Новой Эры" в ответ на украинизацию деревни, студенты стали учить литературному языку и крестьян. На сельских торжествах парни и девушки декламировали стихотворения не только своих галицких поэтов, но и Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Майкова и др. По деревням ставили памятники Пушкину. Член Государственной думы, граф В. А. Бобринский, возвращаясь со Славянского Съезда в Праге через Галичину с галицкими делегатами этого съезда, на котором он с ними познакомился, и присутствуя на одном из таких крестьянских торжеств в деревне, расплакался, говоря: „Я не знал, что за границей России существует настоящая святая Русь, живущая в неописуемом угнетении, тут же, под боком своей сестры Великой России. Я — Колумб, я открыл Америку".

Но когда с „Новой Эрой" оргия насаждения украинства немцами, поляками и Ватиканом разбушевалась во всю, русская галицкая молодежь не выдержала и взбунтовалась против замаскированной политики своих стариков: Дети пошли против своих отцов. Этот бунт известен в истории Галицкой Руси под названием „Нового Курса", а зачинщики и сторонники его под кличкой „новокурсников". „Новый Курс" был следствием украинофильской „Новой Эры" и явился для нее разрушительным тараном. Студенты бросились в народ: созывали вече и

открыто стали на них провозглашать национальное и культурное единство с Россией. Русское крестьянство стало сразу на их сторону, и через некоторое время примкнули к ним две третьих галицко-русской интеллигенции и отцов. Употребляемый до тех пор сине-желтый галицко-русский флаг был заменен носившимся раньше под полой трехцветным бело-сине-красным, а главным предметом всех народных собраний и торжеств по городам и деревням было национальное и культурное единство с Россией. Тут же были учреждены для проповедывания „новокурсных" идей ежедневная газета („Прикарпатская Русь") на литературном языке и популярный еженедельник („Голос Народа") для крестьянства на галицко-русском наречии против издаваемых отцовских — еженедельника для народа („Русского Слова"); последние вскоре зачухали и прекратили свое существование. В течение года „Новый Курс" поглотил почти всю галицко-русскую интеллигенцию и крестьянство и воцарился повсеместно. Литературный язык употреблялся теперь не только в печати, но и открыто сделался разговорным языком галицко-русской интеллигенции.

Возвратившийся в Россию, гр. В. А. Бобринский поднял шум о положении дел в Галичине. У русских властей он не имел успеха, а либеральная и левая пресса тоже не поддержала его только потому, что он был в Думе правый, и как бы по указке, единодушно отнеслась к делу враждебно, считая русских галичан „националистами, ретроgrадами", а украинофилов „либералами, прогрессистами" (!). Не находя ни где поддержки, граф Бобринский организовал с помощью разбирающихся в Галицких делах русских людей в С. Петербурге и Киеве „Галицко-русские общества", которые начали собирать средства на помощь Прикарпатской Руси. Это были первые (и не царские) рубли, которые Галичина стала получать от своих братьев в России. Но средства эти были скудные, и все они шли на помощь по содержанию гимназических общежитий (бурс), в которые принимались талантливые мальчики бедных крестьян на полное содержание.

„Новый Курс" захватил австрийские власти врасплох. Согласно австрийской конституции, они не могли прямо и открыто выступать против него, да и это не возможно было сделать из-за многочисленности „государственных изменников". Раньше, когда обнаруживались такие „преступления" у нескольких лиц, их судили, сажали в тюрьму. Теперь же все свершилось вдруг, и нужно было иметь дело с сотнями тысяч „изменников", государственную

измену которых невозможно было доказать. Но власти не дремали и выжидали случая, чтобы было за что зацепиться и подготовляли целый ряд процессов о „шпионстве“, из коих первый начался в 1913 году накануне мировой войны. Между тем, они преследовали проявление русского духа намеченными заранее мерами. Чтобы оказать помощь „попикам“ и учителям украинофилам власти решают ударить по крестьянскому карману. Они обильно снабжают кооперативы украинофилов деньгами, которые через посредство райфайзенских касс даются займы по деревням только своим приверженцам. Крестьяне, не желающие назвать себя украинцами, займов не получают. В отчаянии деятели русских галичан бросаются за помощью к чехам, и по ходатайству Крамаржа и Клофача (Масарик был врагом русских вообще и в парламенте всегда поддерживал украинофилов) получают в Живностенском Банке кредиты для своих кооперативов.*)

Выборы в сейм и парламент сопровождаются террором, насилиями и убийствами русских крестьян жандармами. Украинофилы пользуются на выборах и моральной и финансовой поддержкой властей. Имя избранного громадным большинством галицко-русского депутата при подсчете голосов просто вычеркивается и избранным объявляется кандидат украинофил, получивший менее половины голосов. Борьба русских с украинофилами усиливается из года в год и продолжалась под страшным террором вплоть до мировой войны, — войны немецкого мира со славянством, к которой Германия и Австро-Венгрия готовились десятки лет, в связи с чем ими и насаждался украинский сепаратизм и ненависть к России среди искони русского населения в Галичине. Россия очнулась и открыла глаза на происходящее в Червонной Руси только накануне войны, когда во Львове начался шумевший на всю Европу чудовищный процесс о „государственной измене“ и „шпионстве“ против двух галицко-русских интеллигентов (Бендасюка и Колдры) и двух православных священников (Сандовича и Гудимы). На этот процесс неожиданно явились пять депутатов государственной Думы всех оттенков (среди них и настоящий „украинец“ — депутат Макогон) и они, войдя в зал, публично, во время заседания суда, поклонились до земли сидящим на скамьях подсудимых, со словами: „Целуем ваши вериги!“ Подсудимые были оправданы присяжными заседателями, не-

*) Самый большой чешский банк — „Центральный Банк Чешских Сберегательных Касс“ — давал многомиллионные займы только „украинским“ кооперативам.

смотря на то, что председательствующий судья в своей напутственной речи заседателям, очевидно по указанию свыше, не скрывал надежды на то, что будет вынесен обвинительный приговор.

В самом начале этой войны австрийские власти арестуют почти всю русскую интеллигенцию Галичины и тысячи передовых крестьян по спискам, вперед заготовленным и переданным административным и военным властям украинофилами (сельскими учителями и „попиками“) с благословения преусердного митрополита графа Шептыцкого и его епископов. Арестованных водят из тюрьмы в тюрьму группами и по пути на улицах городов их избивают натравленные толпы подонков и солдатчины. В Перемышле озверелые солдаты изрубили на улице большую партию русских людей.

За арестованных и избиваемых русских священников добровольно заступаются епископы католики: польский и армянский, а униатские епископы во главе с Шептыцким, несмотря на просьбы жен и детей, отказывают в защите своим русским галицким священникам. Этого нужно было ожидать: они же их предали на убиение.

Арестованных вывозят вглубь Австрии в концентрационные лагеря, где несчастные мученики тысячами гибнут от голода и тифа. Самые передовые деятели после процесса о государственной измене в Вене, приговариваются к смертной казни и только заступничество испанского короля Альфонса спасает их от виселицы. В отместку за свои неудачи на русском фронте, улепетывающие австрийские войска убивают и вешают по деревням тысячи русских галицких крестьян. Австрийские солдаты носят в ранцах готовые петли и где попало: на деревьях, в хатах, в сараях, — вешают всех крестьян, на кого доносят украинофилы, за то, что они считают себя русскими.

Галицкая Русь превратилась в исполинскую страшную Голгофу, усеялась тысячами виселиц, на которых мученически погибали русские люди только за то, что они не хотели переменить свое тысячелетнее название.

Эти зверства и мучения с иллюстрациями, документами и точными описаниями увековечены основным после войны Талергофским Комитетом во Львове, издавшим их в нескольких томах.

Такова краткая история происков Ватикана, поляков и немцев в насаждении ими украинства на Карпатах среди издревле русского населения Червонной Руси.

Украинское движение в Галичине под руководством Германии продолжалось и после

первой мировой войны. В это время появился для нее новый термин — Западная (Західня) Украина, в которой была организована тайная военная организация (УВО), превратившаяся впоследствии в организацию украинских националистов (ОУН).

Борьба по городам и деревням между русскими и самостийниками, несмотря на ужасные притеснения Польшей одних и других, продолжалась, как и раньше, но уже без крика о рублях. Возвратившиеся из австрийских концентрационных лагерей русские интеллигенты и крестьяне бесстрашно отстаивали свое русское имя и Русь.

Уважат ли Советы историю Галичины и, памятуя, что ее имя не Украина, а Русь, не будут мешать, как это делали поляки, немцы и Ватикан, оставшемуся в ней страстотерпцу русскому населению жить своей русской жизнью, или же поощряя и дальше искусственно созданный сепаратизм, утвердят за ней неестественное, неисторическое и подложное новое имя и доконают русских галичан для вящей радости разъединителей русского народа и всего славянства, — покажет недалекое будущее.

Русские рубли для Карпатской Руси

В Праге существовал в австрийское время „Центральный банк чешских сберегательных касс”, во главе которого стоял пан Патек. Банк этот финансировал кооперативы не только в чешских провинциях Чехии и Моравии, но и в других частях Австрии, между прочим, также и в Буковине, где я тогда жил. Давая займы десятки миллионов австрийских крон различным кооперативам, Центральный Чешский Банк руководился не так их кредитоспособностью, как их политической благонадежностью с точки зрения австрийских властей.

Так, например, в городе Триесте и в австрийском „Кюстенланд-е” — приморской области — где итальянское меньшинство при помощи австрийского правительства господствовало над словенцами, Центральный Чешский Банк финансировал только итальянские кооперативы и отказывал в кредитах словенским, невзирая на то, что словенские кооперативы пользовались отличной репутацией. То же самое было и в Буковине, в которой Чешский Центральный Банк давал займы десятки миллионов крон румынским и самостийным кооперативам, но не русским, хотя с точки зрения кредитоспособности русские кооперативы стояли гораздо выше самостийных, потому что членами русских кооперативов были более зажиточные крестьяне — „средняки”, в то время, как самостийная „Руска Каса” принимала кого попало, лишь бы показать большее число членов. Ввиду такой политики чешских „братьев” русским кооперативам приходилось занимать деньги в мелких еврейских банках под большие проценты.

Я был тогда помощником присяжного поверенного („кандидатом в адвокаты”) и работал

в конторе моего отца. Среди наших клиентов был некто Богосевич, польский армянин, у которого было имение в Русском Банилове. Он собирался продать свое имение и просил, между прочим, и нас помочь ему в этом. Хотел он за него 450 тысяч крон, но не нашлось никого, кто согласился бы дать за него такую сумму. Через некоторое время я узнал, что имение купила самостийная „Руска Каса”, во главе которой стоял пан Смаль-Стоцкий, профессор „русского языка” (через одно „с”) в черновском университете. Согласно купчей, „Руска Каса” уплатила Богосевичу за его имение 850 тысяч крон! Вскоре после покупки имения от Богосевича, „Руска Каса” купила еще одно имение от фон Вассилко, которое он унаследовал от своей тетки.*) Стоимость этого имения не превышала 350 тысяч крон, но „Руска Каса” уплатила за него своему „дуумвиру” — 700 тысяч. Было совершенно очевидно, что главари самостийного движения наживаются на мошеннических проделках, за которые по закону отвечали всем своим имуществом ни в чем неповинные русские крестьяне, члены самостийных кооперативов.

Я раскрыл всю эту грязную историю в печати. Узнав о ней из газет, пан Патек, — глава „Центрального Банка Чешских Сберегательных Касс” — приехал в Черновицы. Я с ним случайно встретился в коридоре Краевого Суда. Увидев меня, он подошел ко мне и пригрозил мне тюрьмой за клевету. Я ему спокойно

*) Смаль-Стоцкий и фон Вассилко, румын, не говоривший ни слова по-русски, составляли „дуумвират”, руководивший самостийным движением в Буковине.

ответил, что я жду не дождусь, чтобы пан Стоцкий привлек меня к суду.

Вскоре из Праги приехали два бухгалтера для проверки деловодства „Руской Касы“. После двухмесячного расследования они обнаружили растрату, доходившую до шести миллионов крон. Стоцкого привлекли к уголовной ответственности, и австрийский парламент (он был его членом) его выдал.

Некоторое время спустя я опять встретился с паном Патком. Когда я задал ему вопрос, согласен ли он теперь финансировать наши русские кооперативы, он замялся, сказал что это „неудобно“ и спросил меня, почему мы не стараемся получить для наших кооперативов деньги от русских банков в России. Я объяснил ему, что мы этого сделать не можем, потому что нас будут подозревать, что деньги дало русское правительство. На это пан Патека возразил, что он уверен, что дело можно бы устроить при посредстве графа Владимира Алексеевича Бобринского, и что у него, Патека, имеется в Праге банк „Богемия“, который он основал, и которым он распоряжается, и через этот банк можно бы все дело устроить так, что никто не будет знать, откуда получены деньги. „Чтобы скрыть источник денег, — закончил он, — ваши кооперативы будут получать деньги от „Богемии“. — Я, сказать правду, немного удивился, и поэтому спросил его, почему он вдруг решил помочь нам. Патека объяснил мне, что конечно, его банк должен на этом зарабатывать. „Пока будет продолжаться наше посредничество, доходы от одной половины денег, которые даст русский банк, будет получать „Богемия“.

Патека предложил мне поехать вместе с ним в Петроград к графу Бобринскому. Я согласился. В Петрограде мы изложили графу наш проект, который его одобрил. При этом было условлено, что в Карпатской Руси — в Ужгороде — мною будет организован центр русских кооперативов, который будет финансироваться банком „Богемия“, на условиях, предложенных паном Патком. Было решено посвятить в это дело еще и д-ра Йосифа Шейнера, главу чешского сокольства, оказавшегося в то время в Петрограде, дабы, кроме пана Патка, знал о нем еще один авторитетный чех.

Для начала „Богемия“ получила 200.000 рублей, (свыше 100 тысяч долларов). Но я не мог осуществить план, ибо вскоре после нашей поездки в Петроград я был арестован в Черновцах по обвинению в государственной измене. После шести месяцев мне удалось бежать из

тюрьмы в Россию перед самой первой мировой войной.

После войны и революции я возвратился в Карпатскую Русь. Оттуда я поехал в Прагу. Банк „Богемия“ оказался на старом месте на „Пржикопах“, но Патка там уже не было. Директором был какой-то молодой чех, фамилии которого я не помню, бывший сибирский „легионарж“. Он сказал мне, что о деньгах, полученных перед войной из России для Карпатской Руси, он ничего не знает. Где находится пан Патека, он тоже будто бы не знал. Затем я позвонил д-ру Шейнеру и сказал ему, о чем я хотел бы поговорить с ним. К крайнему моему удивлению, он ответил мне, что об этом деле слышит впервые!

Мне удалось отыскать Патка. Оказалось, что у него своя контора на Пржикопах, наискось от „Богемии“. Когда я вошел в его кабинет, он встретил меня словами: „Слава Богу, что вы живы и здоровы! Ваши деньги целы. Мы так замаскировали все в наших банковских отчетах, что австрийская полиция их не нашла. Теперь все эти деньги в вашем распоряжении. Скрывать их больше нечего...“

Когда я рассказал Патку о моих разговорах с новым директором „Богемии“ и с д-ром Шейнером, он возмутился и позвонил прежде всего директору „Богемии“, который объяснил ему что он не знал, можно ли мне сказать, что деньги целы. Такой же ответ ему дал и д-р Шейнер. Дня через три после этого я прочел в пражской газете, что „Богемия“ обанкротилась.

Сто тысяч долларов даже без процентов за семь лет в то время равнялись десяти миллионам крон. В те времена это была внушительная сумма. На эти деньги можно было организовать сеть кооперативов по всей Карпатской Руси. По совету пана Патека я обратился за помощью к разным чешским „русофилам“, прежде всего к д-ру Карлу Крамаржу, первому министру-президенту новой Чехословацкой Республики, а также и к другим чешским вождям — „русофилам“, членам парламента и сената. Я доказывал им, что если даже банк Богемия действительно „честно“ обанкротился, то все же национальная честь чешского народа требует, чтобы эти деньги, предназначенные для Карпатской Руси, очутившейся в пределах Чехословакии, были возвращены нам из государственных или общественных средств. Но все мои увещания и старания были напрасны.

„Русские рубли“ остались в чешских карманах.

А. Геровский

Некомат = Сурожанин

Отрывок из исторического романа „Карач-мурза”.
(Окончание)

— Не знаю, как и благодарить твою милость, батюшка-боярин, — низко кланяясь, говорил рыжебородый, когда несколько часов спустя, его ввели в богато убранный шатер Ивана Вельяминова. — Не ведаю я почто ты меня купил, однако почитаю за истинное счастье быть хоша бы холопом у своего русского господина, заместо того, чтобы гнуть хрип на каторге¹⁾, под фряжскими плетями.

— Как звать тебя и откуда родом? — спросил Иван Васильевич, сидя на постели, покрытой собольей полостью и пристально разглядывая свою живую попку.

— Некомат я, Сурожанин, батюшка. И скажу не хвалясь: род мой знатен своею торговлей еще с тех времен, когда Сурож²⁾ был под Тматороканью³⁾. Я и досе храню серебряный котш, даренный пращуру моему Парамону самим князем великим Олегом Святославичем⁴⁾.

— Как же ты до того дошел, что какой-то поганый нехристь ныне продает тебя на базаре, ровно вола?

— Эх, боярин, не иначе, как по судьбине моей пьяный черт бороной прошел! Началось с того, что пограбили меня фряги, когда, назад тому шесть годов, повоевали они наш Сурож. Ну, немало все же у меня осталось и спустя год, нагрузил я три больших будары всяким товаром и поплыл с ними в Трапизону⁵⁾, думая там хорошо расторговаться. Ан и тут ждало меня лихо: уже возле самого грецкого берега потопила нас буря, — сам едва спасся! Воротился в Сурож, соскреб какие были остатки, повез на Русь, только и там мне не потрафило. С той поры торговал помалу в Орде, и все шло ладно, да ведь эдакая безделюжина не по мне, — я обык вершить большие дела. И вот, нынешней весною попутал меня бес: набрал я в долг всяких товаров у тутошних купцов и повез в Булгар⁶⁾. Там хорошо их распродал и закупил на всю выручку пушнины. Плыву в обрат и думаю: ну, теперь сызнава стал на ноги! Только, видать, беду и на кривых оглоблях не объедешь: отколь ни возьмись, наскочили в пути новгородские ушкуйники, и вот я опять ни с чем... А купцам, у которых взял я товары, нужды до того нет, — плати, да и только!

— Как же ты эдак оплошал, что дал тому басурману обвести себя крúгом? Раз уж такое дело, надобно глядеть в оба. Не случился бы тут я, и быть бы тебе гребцом на каторге.

— Я во как стерегся, боярин! Да ведь ты сам намедни видел, чего тот колдун раздели-

вал. Чудеса! Загляделся я и забыл все на свете, а треклятый Касим того и ждал. Он наверное со змеиным стариком загодя стакнулся, чтобы меня уловить.

— И то может быть, — согласился Вельяминов и чуть помолчав добавил: — а скажи, ты, часом, в Москве не бывал? Твое обличье мне, будто, знакомо.

— Случалось и в Москве побывать, — с видимой неохотой ответил Некомат. — Три тому года, наезжал я туды с другими нашими сурожанами...

— А, помню я тот караван! Сам покупал тогда у вас оксамит и узорочье⁷⁾. Почто же ты в Москве не остался? Иные ваши гости у нас прижились и богатеют.

— Не было мне удач... Подкатали меня тогда завистники мои, Васька Капица, да Тимошка Весяков.

— Знаю их. Оба ныне в деньгах и ворочают на Руси большими делами. Мог бы и ты. Да погоди: не тебя ли повелел тогда государь наш, Дмитрий Иванович, бить батогами и гнать из Москвы за то, что спустил ты его приказному гнилое сукно для дворцовой стражи?

— Меня, боярин... А в чем моя вина? Всякий купец хочет продать свой товар, будь он добрый, будь он худой. Я его силком не навязывал, — надо было глядеть. На то покупщику и глаза дадены, чтобы он видел, что берет. И коли я оказался в торгу сильнее, да сметливе, так меня за то батогами бить?!

— Ну, это как сказать. По мне сметливее оказались те твои земляки, кои торговали, по совети и с того в Москве забогатели. У нас это ныне легко, — только почни, да не плошай! Тебе же туда пути заказаны... до поры, вестимо, покуда княжит над Русью Дмитрий Иванович.

— Коли так, мне Москвы больше не видать: по летам князь ваш мне в сыны годится, он меня вдвое переживет. А жаль... Все же тогда успел я купить близь Москвы сельцо и добрую пустош. Думал — сгодится, ан теперь пропадет за зря.

— Как знать? Не редкость люди и в молодых годах помирают, особливо князья. Наипаче, когда есть охотники им в том помочь.

— А что? — настрожился Некомат, — нешто Москве не люб этот князь?

— Москва — это тебе не один человек. Кому люб, а кому и не люб. Немало есть таких, которые втайне держат сторону Михайлы Тверского. То вельми понятно: Дмитрий Иванович, по

себе знаешь, норовом крут и многих достойных людей избидел зря. А князь Михайла сердцем кроток и к тому щедр.

— Вот ему бы на Руси и княжить, — вздохнул Некомат. — Можно было бы вершить дела! Дай-то Бог!

— Будешь плох, не даст и Бог. А коли есть догадка, — на Москве денег кадка, — усмехнувшись промолвил Вельяминов и, помолчав, добавил: — небось рад, что не угодил на ка-торгу?

— Век не забуду того, милостивец, как ты меня от погибели спас! И коли оставишь меня на воле, вот-те крест святой: не минет и года, как возверну тебе сполна все, что ты отдал за меня татарину. А ежели велишь идти к тебе в холопы, — на то теперь твоя воля, и я ее долж-жен исполнить.

— Холопов у меня и без тебя хватает, — небрежно сказал боярин. — Я тебя откупил лишь по жалости, — обидно мне стало, что басурман на русского человека одевает ошейник, ровно на пса. Ты свободен, как и досе был, и той ты-сячи дирхемов можешь мне вовсе не отдавать, — для меня это безделица. Я еще и другое сделаю: дам тебе взаём сколько потребно, дабы снова ты стал на ноги. Расторгнешься, — отдашь, а то и просто отслужишь: мне здесь, при Мамае, верный человек надобен.

— Да воздаст тебе Господь сторицей за доброту и за ласку твою, батюшка боярин, а уж во мне не сумлевайся; Когда тебе что требуется, — только скажи. В лепешку расшибусь, руки и ноги себе узлами позавязываю, а сделаю всё как надо! У меня тут лазей есть повсюду.

— Вот и ладно. Когда будет надобно, пришлю гонца. Коли он тебе покажет серебряный дирхем Узбековой чеканки, с дыркой посредине, — ему верь во всём и сделай, что он скажет. И помни: мне в моих делах пособишь — тем и себе путь на Москву откроешь. А там денег кадка... Смекаешь?

— Лучше некуда, боярин! Я ведь тоже не на руки обувки одеваю! За меня будь надежен!

М. Каратаев.

1) Каторгами в древней Руси назывались гребные галеры. В старину гребцами на них посылали тяжких преступников, — отсюда и „каторжные работы”. Хрип — на древне-русском наречии за-грявок, холка.

2) Сурож — нынешний Судак. Это бывшая гре-ческая колония Сугдея, возникшая в 3 веке на по-бережья Крыма, позже превратившаяся в русский город Сурож, одно время входивший в состав Тму-тороканского княжества. Его торговое значение было настолько велико, особенно в областях, при-

легающих к Азовскому морю, что и само море это тогда называлось Сурожским. Позже этот город захватили половцы, а в 1365 году — генуэзцы, назвавшие его Сольдаей. Сто десять лет спустя, им овладели турки. В дальнейшем, под владычест-вом крымских ханов, Сурож захирел, утратил вся-кое торговое значение и России достался в виде развалин.

3) Тмутороканское княжество или Тмуторокан-ская Русь, — столицей которой был город Тмуто-рокань, находившийся на Таманском полуострове, напротив Керчи, — охватывала Северный Кавказ и восточную часть Крыма. Существовала уже в 9 ве-ке, а, может быть, раньше. В 11 веке вошла в сос-тав великого княжества Черниговского, а в двенад-цатом была захвачена половцами.

4) Князь Олег Святославич Черниговский, умерший в 1115 году, — внук Ярослава Мудрого и создатель великого княжества Черниговского, к которому он присоединил Муромо-Рязанскую область, земли вя-тичей, Новгород-Северскую землю и Тмуторокан-скую Русь, где он княжил до овладения Черниго-вом.

5) Трапезунд. Он в то время был столицей небо-льшого, отделившегося от Византии, греческого го-сударства, носившего незаслуженно-громкое назва-ние Трапезундской империи, которая существова-вала с 12 века до 1461 года, когда была захвачена турками.

6) Булгар — столица Волжской Болгарии, нахо-дилась при впадении Камы в Волгу, ныне на этом месте находится село Болгары.

7) Оксамит — рытый шелковый бархат. Узорчье — драгоценности.

Полный цикл эпических картин, воскреша-ющих в поэтических образах древнее миропо-нимание и верования наших далеких предков-славян, найдете в поэме-трилогии (в четырех книгах) Ильи И. Терех:

I том (I-ая часть) „СВАРОГ”, стр. 319, дол. 2.00

I том (II-ая часть) „СЛАВЯНЕ И КАРПАТЫ”, стр. 319, дол. 1.25.

II том „Серый Свет”, стр. 102, дол. 1,25.

III том „ЧЕРНАЯ ПОТЬМА”, стр. 159, дол. 1,25

Выписывать по адресу: Mrs. I. V. Tziorgh
107 East 127 Street

New York 35, N. Y. — U. S. A.

*****

Исправление.

В стихотворении А. Е. Котомкина — На Волге, — напечатанного в прошлом номере (35-36) жур-нала, вкрались следующие ошибки: вместо „эхо жуткое” надо читать „эхо чуткое”; пропущено сло-во „твоим” в строке: „И кажется, что нет твоим просторам края”.

ИЛЬЯ ИВАНОВИЧ ТЕРЕХ

(1880-1942)

И. И. Терех

В текущем году, 26-го марта, прошло двадцать лет со дня смерти И. И. Терех, выдающегося русско-галицкого труженика. Эту годовщину нельзя не отметить хотя бы самыми скромными поминками.

И. И. Терех — общественный деятель.

Общественная деятельность Терех охватывает три периода его трудолюбивой жизни: в Галичине, в России и в Америке. Первый период начался очень рано. Будучи учеником восьмого класса гимназии, он стал регентом хора, а затем, после получения аттестата зрелости, настоятелем бursы Ставропигийского Института во Львове. В студенческие годы он принимал живое участие в молодежных обществах „Друг” и „Муза”, часто выезжал в деревни с докладами, в которых раскрывал народу его историческое прошлое, указывал на тесные племенные и культурные взаимоотношения Галицкой Руси с остальной Русской землей. Оценив его заслуги, „Народный Совет” Галичины избрал его своим членом и поручил ему секре-

тарство по делам русской народной организации.

Второй период его деятельности относится ко времени бегства русских людей из Галиции в Россию от австрийской армии. Около миллиона людей, ушедших из родных гнезд, нужно было не только организовать, но и устраивать на работу. Кроме этого, он усердно собирал материалы об австрийских зверствах, совершаемых над русским населением Галичины.

Третий период деятельности И. И. Тереха описан свящ. Иосифом Федоронко в статье: „О патриотической деятельности Ильи Ивановича Терех в Америке”, из которой узнаем, сколько труда вложил он в организацию „Союза освобождения Прикарпатской Руси”. К этой публикации о. Федоронко отсылаем читателей, желающих ближе познакомиться с работой Терех для своего народа.

И. И. Терех — журналист.

Поприще журналиста открылось перед Терех с того времени, как он стал редактором русской еженедельной газеты „Голос Народа”, издававшейся во Львове, накануне первой мировой войны. Газета, предназначенная для народа, расходилась в массовых тиражах благодаря тому, что ее ответственный руководитель держал издание на должной высоте и тщательно подготавливал каждый номер и придавал окончательную отделку чужим статьям, письмам и литературным опытам. Будучи редактором, он сам составлял передовые статьи, главным образом, политического содержания. Газета была правдивым, подлинным голосом народа, ибо всецело была посвящена его нуждам. В день объявления мобилизации в 1914 г. австрийская полиция закрыла газету, а редакция, помещавшаяся на Русской улице, была разгромлена. Когда Галичина была занята русскими войсками, Терех продолжал издание газеты вплоть до отступления русской армии с Карпат.

И. И. Терех — композитор.

Галицкая Русь не может похвастаться обилием хоровых и музыкальных произведений. Можно назвать всего несколько имен. Первым галицким композитором был свящ. Михаил Вербицкий (1815-1870), который положил на ноты „Заповіт” Т. Г. Шевченка, несколько богослужебных вещей и хоровые песни к драмам И. Н. Гушилевича: „Подгоряне” и „Сельские

пленипотенты". Свящ. Виктор Матюк (1852-1912) был автором нескольких песен: „Цвітка дрібная” М. С. Шашкевича,, „Крылец”, „Родимый краю”, „Чом так скрыто” и приспособил музыку к мелодраме „Капраль Тимко” С. Мидловского. Свящ. Максим Копко (1859-1919) прославил свое имя прекрасной композицией песни „Там, де срібнолентый Сян тече”. Значительно вперед галицкую музыку двинул Терех, с малых лет взлелеянный народной музой: пели ему песни бабушка и дедушка Ивановские, пели девушки в праздники Рождества, Щедрого вечера, Пасхи, пели пастушки и жницы. В бурсе Ставропигийской он был проникнут мелодиями Глинки, Чайковского, Бортнянского, Архангельского, и под влиянием их могучего гения и сам начал творить.

После „Литургии св. Иоанна” (1906) последовали: „Марш русских студентов” (1908), „Песня преступников-рудокопов” (1908), партитуры к драмам „Иосиф в Египте”, „Сиротский Великдень”, „Бабский бунт”, „Кантанта” в честь о. Иоанна Наумовича (1925), „Карпатский хоровод” (1921) и ряд пластинок, напелых хором, как: Святая Вечера и колядки накануне Рождества Христова, Новый Год, Щедрый Вечер, Великдень, Гаивки, Русалии, на Ивана Купала, Жатвенные песни, Русская галицкая свадьба с обрядом венкоплетения, расплетения девичьей косы, дарования короваем, венчания и ладкания,¹⁾ угощения, плясания и увода молодой жены мужем. Две песни слепого лирника о Горе Голгофе и сиротке Марысе; патриотические гимны: „За Русь” и „Пора за Русь”; народные песни: „Моя милая с черными очима”, „Чие то поле неорано”, „Де ты мя поведешь”: песни дровосеков, косарей, о Довбуше и майнерах. Все названные песни представляют собою высокохудожественную обработку. Об успехе Карпаторусского хора рассказывал мне родной брат присутствовавший на концерте по случаю выставки в Нью Йорке (1921). Кое-что я имел возможность слышать летом 1929 г., когда Илья Иванович и Иоанна Владимировна Терех приехали во Львов из Америки. Они привезли с собою большой аппарат и пригласили к себе тогдашних русских галицких деятелей. Комната наполнилась благозвучными мелодиями народных песен. Особенно трогательно прислушивался к ним старик Малец, большой поклонник народного творчества.

И. И. Терех — мифолог Руси и славянства.

Этнография — это наука, изучающая быт и нравы народов, их материальную и духовную

культуру. Из галицких этнографов назовем проф. Я. Ф. Головацкого, издавшего четыре больших тома „Народных песен Галицкой и Угорской Руси” (Москва, 1878 г.), И. Н. Вагилевича, исследовавшего жите-быте бойков в Карпатах, В. Гнатюка, собирателя коломыек и автора очерка „Останки передхристианського світогляду наших предков” (1912), Ф. Колесы: „Українська народна пісня” (1928).

Говоря об И. И. Терех, как о мифологе и этнографе, необходимо сделать оговорку: он был мыслителем и поэтом, который превращал образы в символы, идею, философию. Он с головой погрузился в мифологию славян, и доказал, что наши далекие предки верили в единого бога Сварога, сотворившего всю вселенную, землю и человека. Они также верили в сотворенных им Сварожичей — помощников его, исполнителей его воли: Перуна, Даждьбога, Стрибога, Велоса, Ладу, Хорса и бесчисленное количество других бесплотных светлых духов. Верили также они и в духов тьмы и злобы: Чернобога, Потьму, всяких чертей и бесов. И. И. Терех не оставил после себя записей народных преданий, но все то, что слышал от бабушки и дедушки, он пополнил глубоким изучением родной старины, этнологии, истории и облек это все в стихотворную форму. Созданная им трилогия состоит из поэм:

1) „СВАРОГ” (Нью Йорк, 1946, стр. 256,): „СЕРЫЙ СВЕТ” (Филадельфия, 1959, стр. 102,); „ЧЕРНАЯ ПОТЬМА” (Филадельфия, 1959, стр. 159,).

Но знакомиться с его творчеством нужно начинать с отрывка предания „Карпаты и Славяне” (Нью Йорк, 1941, стр. 319) не потому, что эта книга вышла раньше трех вышеназванных поэм, а потому, что в ней даны все толкования и пояснения касательно древне-славянских богов, духов, демонов, богатырей, затем праздников, обычаев, верований и суеверий. Там же даются ссылки на соответствующую литературу, а также на источники, и, кроме того, даются объяснения к древне-русским словам. И. И. Терех поставил своей целью ответить на вопрос о происхождении всего существующего в понятиях и представлениях первобытных славян. Серый свет — это наша земля, где тучи и туманы покрывают солнце, где чередуются дни с ночами, радость с горем, добро со злом, здоровье с болезнью, жизнь со смертью, где люди и вся тварь ведут борьбу за свое существование. Это чистилще, временная остановка в ожидании вечного ликования, или же вечного мучения. Черный свет, Черная потьма — это угол, куда идут души грешников для наказания за свои плохие поступки. Ясно, что наши предки верили в загробную жизнь. И. И. Терех

¹⁾ Ладаньем называется пение песен дружками в честь невесты.

поэтически описал три Света, вселенную, творцом которой был бог Сварог.

Сам себя и народивший,
Сам себя и возраставший.
Я — причина всех причин,
И во всем я сам один.
Я — единый Бог предвечный,
Я и сущий, я и вечный,
Сам супруга и супруг,
Бесконечный божий круг.
Из себя и выходящий
И в себя опять входящий.
Я — начало и конец,
Сам и мать и отец.
Я — всесвет неизмеримый,
Я — всебог непостижимый,
Безначальный светозар,
Солнечный вселенной царь.

Этот Сварог является создателем вселенной-мира, русской земли, Карпат с Besкидами, Горганами, Кругами, Белгорою, Черногорою, зелеными борами и долинами, которые он заселил добрыми Славянами-Русичами. Все три поемы читаются легко и вызывают радостное настроение. Стих плывет стройно, звучно. Содержание вызывает тихую улыбку и удивление; сколько времени затратил автор на чтение книг. На создание Сварога сказывается влияние бессмертной оды Г. Р. Державина „Бог”, на прочих поэмах — влияние А. Н. Афанасьева („Поэтические воззрения славян на природу” — 1856). Трилогию Терех может читать каждый грамотный русский человек, но понять легче тому, кто знаком с славянской этнографией, историей, мифологией, кто знаком с исторической и сравнительной грамматикой русского языка с его наречиями.

Общая характеристика

И. И. Терех — сын русских крестьян села Колбаевичи, уезда Рудки. Родился 30 июля 1880 года. От родителей унаследовал горячую любовь к деревне и огромный запас преданий о старине Галицкой Руси. Среднее и высшее образование получил во Львове. Готовился к юридической практике, но любовь к музыке и пению вывела его на поприще композитора и этнографа. Музыкальные курсы прошел в Венской консерватории. Был страстным любителем путешествий. Он исходил всю Прикарпатскую Русь, везде записывая народные песни и обычаи. Был, в Италии, Швейцарии, на Балканах. Проехал всю Россию, от Карпат до Тихого океана. Через Японию прибыл в Северную Америку, где трудился исключительно на пользу отечества совместно с верной своей супругой Иоанной Владимировной Ясеницкой, которая всей душой способствовала его успеху в воссоздании

народных напевов Галичины. Прожил И. И. Терех 62 года; упокоился 26 марта 1942 года, оставив родному народу ценное наследие, разбором которого займется будущий историк Галицкой Гуси.

Литература.

Для познания жизни и деятельности И. И. Терех необходимо перелистать страницы „Голоса Народа” (Львов, 1907-1914), „Прикарпатской Руси” (Львов, 1908-1915, и Нью Йорк 1921 1925); нужно внимательно прочесть библиографический очерк „Илья Иванович Терех”, составленный Г. Голохвастовым со слов самого И. И. Терех, сообщений его жены Иоанны Владимировны, его воспитанника Ивана Белоуса, деятеля Американской Руси — о. Иосифа Федоренко и др. Львовский

Александр Котомкин

ПЕСНЯ

Исполнять Святое Дело
Всех писателей, поэтов
И художников-певцов,
Всех, чье сердце так горело,
К милой Родине любовью —
Дедов, прадедов, отцов, —
Вот, поэта назначенье,
Жизни — миссия его....
Со Христом — Его Ученье
Ставить выше здесь всего,
Несмотря на все соблазны
В сей кощунственный наш век,
(А они разнообразны,
И лукаво безобразны)
Прежде будь ты человек !....
Человек ! Святое Слово,
Как Евангелье Христа,
И старó оно, и нóво;
Бога славящих уста
Никогда не замолкают,
Не стихают никогда....
И хотя, как дни, мелькают
В Вечном Времени Года,
Но во всей всегда Вселенной,
К Богу с Песнью вдохновенной,
И храня Христов Завет
Будет в Песнях жить поэт.

Все пройдет! Исчезнут зданья,
С ними человек-пигмей
Улетит быстрее птицы,
Вняв законам Мирозданья!...
За страницами страниц
Перелистывает время,
За народами народ
И за племенами племя
В свой сменяются черед....

ГЕОРГИЙ АРГАМАКОВ

Все в Москве подумали: „ну, быть худо для Ордин-Нащокина!“ — но все ошиблись. Когда Ордин-Нащокин обратился к Тишайшему с просьбой уволить его от всех дел, так как ему стыдно людям в глаза глядеть, то Тишайший послал ему письмо, в каждой строке которого сквозила великая доброта царя. Тишайший соглашался с тем, что сын Ордин-Нащокина, сбжав с государственными бумагами и деньгами, совершил позорнейший поступок, хуже которого ничего нет на свете. „Тебе, думному дворянину, писол царь, больше этой беды вперед уже не будет: больше этой беды на свете не бывает“. Но дальше, после многих похвальных эпитетов по адресу Ордин-Нащокина, которого царь именовал „христолюбом и миролюбом, нищелюбом и трудолюбом“, царь с большой деликатностью выражает свое сочувствие Ордин-Нащокину и его жене „в их великой скорбе и туге“.

Тишайший и слышать не хотел о том, чтобы Ордин-Нащокин отошел от государственных дел. Отец, по его мнению, не несет ответственности за дурный поступок сына. „Будет тебе, — пишет Тишайший, — верному рабу Христову и нашему, сына твоего дурость ставить в ведомство и соглашение твое ему. И он, простец, и у нас, Великого Государя, тайно был, и не по одно время, и о многих делах с ним тебе приказывал, просто умышленно яда под языком его не видали“.

Тишайший утешал Ордин-Нащокина надеждой, что сын его одумается и вскоре вернется обратно на Русь. „А тому мы, Великий Государь, не подивляемся, пишет он, — что сын твой сплутал: знатно то, что с малодушия то учинил. Он — человек молодой, хочет создания Владычна и творения руку Его видеть на сем свете; якоже птица летает семо и овами и, полетав довольно, паки ко гнезду своему прилетает: так и сын ваш вспомнит гнезду свое телесное, наипаче же душевное привязание от Святого духа во святой купели, и к вам скоро возвратится.“ Доброта и глубокий такт продиктовали Тишайшему царю эти золотые слова утешения в беде, постигшей Ордин-Нащокина.

И Алексей Михайлович оказался провидцем. Афанасьев, „сынишка Войка“, вскоре решил вернуться на родину. Из Пскова Воин Ордин-Нащокин был привезен в Москву. Тишайший простил беглеца ради заслуг его отца перед Русью и написал Афанасию, что за верную и радетьельную службу его отчизне, он все вины:

с „сына его Войнишки снял, велел ему свои очи видеть и написать его по московскому списку, с отпуском на житье в отцовские деревни“.

Таков был душой Царь Алексей, отец Петра I, которого народ за истребление русских обычаев, злонравные дела его над Церковью и народом прозвал Антихристом.

Аргамаковы принадлежали к числу тех немногих старинных семей, которые в страшную пору Петровской революции не пошли на поклон к Великому Отступнику, не стали по примеру малодушных потакать сумасшедшему намерению переделать Русь в Голландскую Европию. Не участвовали в кошунственных церемониях Всешутейного Собора, не рубили, потворствуя осатаневшему Петру, головы восставших за русскую старину стрельцам, не участвовали в других безобразных издевательствах, учинявшихся Петром и его жуткими „птенцами“, готовыми во имя личного благоденствия плавать хоть по горло в народной крови.

Семен Аргамаков, слава Богу, умер незадолго до этой страшной поры, определившей всю дальнейшую трагическую историю Руси, переименованной на „польский манир“ в Россию*).

Сын Семена, Георгий, служил подьячим и был однажды послан вести следствие над участниками восстания в Астрахани. Из Астрахани Георгий вернулся убежденным сторонником восставших в защиту „старой веры и Дома Пресвятой Богородицы“ и противником Петра. Георгий Аргамаков, как сообщал в своих воспоминаниях сын его, Федор, смотрел на Петра, как родственники казненных стрельцов, участники Астраханского и Булавинского восстания, как все старообрядцы, как большинство народа — как на Антихриста, решившего до тла уничтожить все стародавние обычаи Дома Пресвятой Богородицы — Московской Руси. Эти взгляды и привели Георгия Аргамакова вскоре к страшному концу.

Подьячий Илларион Докукин, брат жены Аргамакова, мыслил про кровавое шутовство Великого отступника так же, как и Георгий Аргамаков, — особенно после того, как Петр повелел приводить всех к присяге не к истинному наследнику Алексею, а тому наследнику, коего он укажет. Это самовольство Петра переполнило чашу терпения многих, в том числе и Иллариона Докукина.

В воскресенье, увидев в церкви Петра, Илларион Докукин подошел к нему и передал при-

*) Следовало бы — Россия.

связный лист на верность новому наследнику, на коем было Докукиным написано:

„За неповинное отлучие и изгнание от Всероссийского Престола Царского Богом хранимого Государя царевича Алексея Петровича, христианскою совестью и судом Божиим и пресвятым Евангелием не клянусь, и на том животворного креста Христова не целую и собственною рукою не подписуюсь... хотя за то и царский гнев нами произмется, буди в том воля Господа Бога моего Иисуса Христа, по воле Его святой, за истину, аз, раб Христов Илларион Докукин, страдати готов. Аминь, аминь, Аминь.“**).

Петр, верно Великим Отступником нареченный народом, в бесовской мстительности своей повелел закоптить Иллариона Докукина живым. Палачи из числа „птенцов гнезда Петрова“ повесили Иллариона Докукина вниз головой над дававшим сильный дым костром.

„Государь, помилуй царевича Алексея, молил задыхавшийся Докукин. Пожалей, Государь, Русь, Великие беды ждут Русь за великие глумления над обычаями, завещанными нам предками.“

Петру остался рабом своей злобы ко всему русскому, не пожалел ни Докукина, ни царевича Алексея, ни Руси...

Вслед за Докукиным погиб и Георгий Аргамаков. Кто-то из птенцов Петровых сообщил царю, что Георгий Аргамаков приходится родней Докукину, что он также привержен старине и надлежит испытать, не привержен ли и он царевичу Алексею.

„Пусть он и свершит казнь!“ — решил Петр. Но Георгий Аргамаков коптить Иллариона Докукина отказался наотрез.

— Что так? Спросил с ехидством посланец Петра! — Али жалко? —

— Тебя бы ежели коптили, ответил Аргамаков, — то и то жалко бы стало, хоть такие, как ты, никого не желают. А Иллариона мне и Бог жалеть велел, ибо велик он духом своим, да и в родстве я с ним.

— Что же Государю передать-то?

— Скажи, что может казнить меня, как ему по седцу и по милосердию его угодно будет, но только волю его выполнить я не в силах. Не обучен я отцем моим людей заживо коптить, как делу противному вере христовой.

Минуло немного времени и прискакали двое верховых и забрали с собой Георгия Аргамакова. Больше с той поры его никто никогда не видал. Что с ним случилось — закоптили тоже над костром, как Иллариона Докукина, или колесовали по привезенной Петром европейской

моде — этого никто никогда из родных не узнал. Исчез человек бесследно, как пушинка или лист древесный, брошенный навстречу начавшейся в ночи буре.

И снова таинственный рок вел причудливыми путями жизни потомков Петра Аргамака. Одни из Аргамаковых породнились с московскими родами, навеки остались в Москве. Другие жили в Малой и Белой Руси.

Русская история и семейные предания не сохранили никаких ярких воспоминаний о деятельности Аргамаковых за время после смерти Тишайшего царя до грозных событий 1812 года. После того, как царский престол после смерти Тишайшего занял его взбалмошный сын, переломавший все на Руси, (как того опасался Ордин-Нащокин), Аргамаковы, как и другие старинные роды Московской Руси, отошли от царского престола, который раньше поддерживали, не щадя жизни. Кто тихо и незаметно сидел в подмосковских усадьбах, кто в усадьбах на Малой и Белой Руси, не желая принимать участие в Великом разгроме основ русской жизни сыном Тишайшего с помощью новых Хворостинных, Котошихиных и Воинов Ордин-Нащокиных, глумившихся над всем русским, пускавшим с дьявольской издевкой на ветер все, чем веками держалась Русь...

Иван Аргамаков.

Только двое Аргамаковых за все долгое лихолетье, наступившее после Великого Отступника на Руси, приняли участие в строительстве этого лихолетья. Один из московских Аргамаковых был переводчиком в петербургской Академии Наук, а другой — одним из первых ректоров Московского университета в недобрые годы расцвета в нем идей вольтерьянства и масонства.

Но большинство Аргамаковых не пошло по их пути, не лезли в ряды новоявленной знати, увлекавшейся всеми умственными эпидемиями, налетавшими в Русскую Европу из Европы.

Двое из Аргамаковых погибли в битве при Аустерлице, четверо — в Бородинской битве, пятеро Аргамаковых, живших на Великой, Малой и Белой Руси, ушли под знаменем Александра I в Европу добивать Наполеона. Трое из них погибло в один день во время Битвы Народов под Лейпцигом. Вернулось на Русь только двое — оба родом с Белой Руси: сыновья Алексея Аргамакова, имевшего небольшое поместье около Могилева. Старший из сыновей, потерявший в сражении под Лейпцигом левую руку, стал жить в поместье „Дубянки“. Младший, вернувшись из Европы, остался служить в Преображенском полку. Еще в Европе Иван

**) Подлинный текст.

вступил в масонскую ложу Железного Креста, созданную берлинской ложей Трех Глобусов при армии союзников для прусских и русских офицеров. Вернувшись в Россию, Иван вступил в ложу Соединенных Друзей, членами которой были декабристы: Пестель, Волконский и другие.

Узнав от старшего сына Александра, что Иван стал масоном, Алексей Аргамаков потребовал, чтобы он немедленно порвал с масоном, угрожая, что в случае невыполнения этого требования он лишит его наследства и проклянет его.

Иван написал, что он повеление выполнил и из ложи Соединенных Друзей вышел. Вскоре после получения письма Александр I запретил масонские ложи, и Алексей Аргамаков успокоился. Но, как оказалось после, Иван обманул отца и продолжал и после запрещения масонства состоять членом тайного общества, созданного офицерами масонами — Союза Благоденствия. Члены этого Союза стремились к уничтожению всей царской фамилии и созданию на основе масонских идей, республики.

Во второй половине декабря 1825 года Алексей Аргамаков поехал в Москву проситься со своим братом Павлом, находившимся при смерти, а из Москвы решил поехать в Петербург повидаться с Иваном, которого не видел с начала Отечественной Войны. На рассвете 25 декабря 1825 года Аргамаков выехал в своем возке в Петербург. На одной из почтовых станций он встретился с офицером, знавшим Ивана. Офицер сообщил, что накануне вечером в Санкт-Петербурге произошло восстание, Иван принимал в нем участие, арестован и заключен в Петропавловскую крепость.

— Это верно ли, сударь? побледнев, спросил Алексей Аргамаков. — С чужих слов передаете, или это страшная для меня правда?

— Это правда, сударь! Наш полк участвовал в подавлении восстания, и я видел Ивана, когда его вместе с другими сдавшимися офицерами, отправляли в крепость. Но еще не все потеряно, сударь. Возможно, Иван по милости нового государя не будет лишен живота, как то долженствует по букве закона нашего, а выслан в наказание только в Сибирь.

— Ах, сударь, гневно возразил Алексеев Аргамаков, мы говорим с вами на различных языках. Будет ли Иван казнен или только отправлен в Сибирь, для меня все едино, больше он мне не сын. Мы, Аргамаковы, старых, московских взглядов и от европейщины, процветающей в Петербурге, всегда сторонились, а пуще всего от вольтерьянщины и масонства. Вижу, что Иван обманул меня, когда уверял, что вышел из масонов. Сколь тяжело сообщенное

вами: только на днях похоронил единственного брата, а сегодня должен похоронить сына.

— Печаль ваша столь остра в первые мгновения, сударь, пытался утешать Аргамакова офицер. Время утешит ее. Как стихнет мятежь, поезжайте в столицу, постарайтесь найти высокопоставленных лиц, кои смогут облегчить участь Ивана. Вот в чем вижу я ваш долг отца, сударь. Не терзайте свое сердце излишней строгостью к несчастному узнику Петропавловской крепости.

— Ну, а я свой долг отца понимаю совсем иначе. Как стихнет мятежь, я поеду обратно в Москву, а из Москвы туда, где меня ждет единственный сын, прошедший с русскими знаменами до Парижа и не растерявший свою честь на собраниях масонских лож.

И как только стихла мятежь, Алексей Аргамаков действительно поехал в своем общитом телячими кожами возке обратно в Москву.

Вернувшись в Дубняки, Алексей Аргамаков позвал в свой кабинет жену, Александра, его жену и всех внуков и проклял Ивана за то, что тот пошел по гибельному пути, проложенному Великим Отступником. Столь поучительно закончилась одна из страниц рода Аргамаковых, давшего многих стойких духом русичей.

ИЗ ПИСЬМА ЧЕСТНОГО ГАЛИЧАНИНА

...Я не знав, і ніколи я би не подумав, що так мало наших людей знає, по-русски читати. Многі читають латинку і бесіда їх мало зрозуміла. Я знаю, що колись давно, за часів Червоної Руси була одна віра, одна мова і звичаї, та сотки літ неволі — польської і мадярської — нас не тільки що роз'єднали, но і зробили нас ворогами.

Возьме багато літ поєднати російський народ — от тому то я зрозумів вашу ідею. Тепер я знаю, чому ви пустилися на такий важний, тяжкий і невдячний*) труд видавати журнал „Свободное Слово”. Я пишу так тому, що колись давно, ще 1919 года був я соредактором „Січових Вістей”, що виходили в Чикаго. На мое місце прийшли „мудріші” люди, котрі нарobili довгу, і в „Січовій” організації зробився роздор і по двох роках не стало ні січового журналу, ні січової організації, котра на цілу Америку числила більше як 18 тисяч членів. Може і Бог так зарадив, щоби така організація не існувала.

Ви идіте одною дорогою, не хитайтеся, твердо стійте і стреміться до одного: соединити тут, в Америці, Канаді і по всіх усюдах де лише

*) неблагодарный.

живут наші люди, в одно. Дайте початок, а прийде час, що ми, галичане, волиняне, Біла Русь, Холмщина, Закарпаття і подоляне, гуцули, бойки заговорят, заспівають і стануть разом перед Богом перероджені.

Ми — Русь Святая, Русь благословенна Богом, бо творилася наша земля в том часі, як приходив на землю Господь наш Іисус Христос і нікто не посміє розділювати нашу землю і нас поневолювати. Ті часи минули. Час нам тепер кріпко твердо стояти і если ініціативна група добре поведе діло, с нею підуть всі і вернуться з лихої дороги ненависти до Русі і українці, і візантійці, і уніати і всі збаламучені, що за для лакомства несчастного покинули Русь. Скорше чи пізніше всі они вернуться, бо дальше уже нікуда іти, ибо дорога їх кінчиться на смітнику.

А на Русі ясна зоря загорит пламенно і еі світло упаде на путь тих, котрі вертаються до свого народа, до своєї віри, до своєї Церкви. Приходить великий час, гряде бо велике время: будьме готові на ті часи, як буде вертати блудний син...

...От тут я залучаю езуитский журнал, що бесперервно приходит, що місяца уже много літ цілком бесплатно і ще маю тут 7 журналів, за котрі я ніколи не дав цента, а всі они дістали адрес мой із книги телефонічної. И не лише я, но сотні і других людей, що мают свої імена і адреси у телефонічних книгах, достають такі журнали бесплатно. Наші езуїтські василіяне с Канади тоже присилають „Світло” — журнал, де можно прочитати подяку (благодарность) за выслухані молитви до „слуги” божого митрополита Шептицького і пожертвованья пять або десять долларов. Людська темнота безгранична!

Петро Кавацин
(Чикаго)

...Пусть громче и громче раздается в изгнании свободное слово вашего журнала, и ваш призыв к единению и единству русского народа глубже проникнет в сердце русского зарубежья. Приятно и дорого сознавать, что твердые и непоколебимые в свое Православной Вере, верные искони хранители идеи единства русского народа славные карпатороссы и в изгнании явились глашатаями этой идеи. В течение тысячи лет беззащитные политически и бедные материально карпатские русские люди проявили большую силу духа, сохранив веру Святого Владимира и национальные заветы преподобного Нестора и славного автора „Слова о полку Игореве” о Руськой Земле. На заре нашей письменности преподобный Нестор говорит о Руськой Земле, когда начинает свою знаменитую повесть словами: „Се повести времья-

ных лет, откуда есть пошла Руская Земля, кто в Кieve нача первее княжити, и откуда Руская Земля стала есть”.

Карпатороссы всегда считали свой край частью Русской Земли и себя — частью русского народа. Отделенные искусственными государственными границами от массива русского народа, теснимые и гонимые своими соседями, русские люди Карпат показали редкий пример национальной и православной верности на протяжении всей истории восточного славянства.

Имена братьев Геровских, Бендасюка и Колдры и всех мучеников мороморыш-сиготского процесса никогда не забудутся теми русскими людьми, которые следили за жизнью Карпатской Руси.

Подробнее раскрывайте жизнь Карпатской Руси, ее многострадального народа, описывайте его обычаи и быт, его твердое стояние за веру православную и его героическую борьбу с своими поработителями. Знакомьте со всем этим Российское Зарубежье.

Находясь сорок два года вне отечества, с нетерпением ожидал появление такого журнала, каким является „Свободное Слово”.

Смиранный архиеп. Савва.

(Австралия)

РОДИНЕ

(Зарубежная Русь)

Зарубежная Русь — Русь изгнанница,
Русь печали и скорби моя!
Сирота ты, бездомная странница,
Но велика вера твоя.

Ты бредешь по стезе одиночества,
По тернистым дорогам-тропам,
Но сверкают зарницы пророчества,
И грядет скоро гибель врагам.

О, родимая Русь — Русь изгнанница!
Русь печали и веры моя,
Как безродная ты здесь племянница,
Но могучая сила твоя.

Возвратимся в страну мы ридимую,
Чтобы строить и жить, ликовать;
Чтоб обнять Мать-Отчизну любимую
И родимую вновь целовать.

Александр Росков

В редакции „Свободного Слова” можно написать книгу:

НАРОДНАЯ ИСТОРИЯ РУСИ И. Я. ЛУЦЬКА
(Нью Йорк 1911 г., стр. 347) Цена 3 доллара
Книга содержит в себе историю Державной Руси, Галичины, Буковины и Закарпатской Руси.

ПОЖЕРТВОВАНИЯ НА „СВОБОДНОЕ СЛОВО”

Примечание: Тем из читателей, кто не указал подробно, для какой цели посылает деньги, мы засчитали 3 доллара, как подписную плату, а остальную сумму — как пожертвование. Подписная плата, само собою понятно, в списке пожертвований не отмечается.

	дол.
Андрейчук Петр	2.00
Белошитская Е.	6.00
Белый И. И.	2.00
Бобил И.	8.80
Бурлаков Леонид	2.00
Буцько Борис	1.00
Б-в К.	5.00
Викторов Петр	2.00
Войтович В. И.	2.00
Волгин А. Г., Проф.	3.00
Гринь И.	1.00
Гулявин Павел	2.00
Н. Г.	20.00
Доризас	10.00
Дурнев К.	0.50
Духовский А. П.	2.00
Еремин Валентин	17.50
Завойко Ирина	2.00
Ивановский Сергей И.	2.00
Иогансен Владимир М.	2.00
Кавацин Петр	15.00
Козарь Илья, свящ.	5.00
Короленко Нина	6.00
Короленко К.	2.00
Кравченко Н. Г., протоиерей	2.00
Латышев Елизавета	2.80
Лидке Н.	2.00
Лисенковский протоиерей	5.00
Маговец Михаил Иванович	10.00
Макаров В.	0.77
Мартыненко З.	2.00
Миров Иван	10.00
Миролюбов Г. П. Др.	3.00
Млинару Ольга	7.00
Норландер Борис Михайлович	5.00
Панкратов Петр протоиерей	5.00
Питалев Василий М.	3.00
Полетика Михаил	2.00
Решетарь Дмитрий, протоиерей	2.00
Рыбницкий Михаил	20.00
Росков Александр, Д-р.	10.00
Савва, архиепископ (Австралия)	6.60
Сембер Стефан Г.	3.00
Сербалик И.	2.00
Сидор Стефан, свящ.	5.00
Сквориков Константин	2.00
Сокольский Валериан	10.00
Стельма Стефан	2.00
С. М.	6.00
Т. А.	40.00
Т. М.	40.00

Тарновский В.	2.00
Трунов Петр	2.00
Т. И. Влад.	22.00
Улянув Н. Проф.	1.00
У. Л. А.	1.00
Федорняк Михаил	5.00
Фомин	12.00
Франциско Петр	7.00
Цуглевич А. Л. свящ.	10.00
Чеботарев Георгий П. проф.	10.00
Чевдар Эраст	2.00
Шверевитц В. М.	3.00
Шкил А.	3.00

Всего долларов 408,97

Редакция и Инициативная группа для организации общества приносит сердечную благодарность всем добрым русским людям за своевременную помощь.

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

Вскоре выйдет из печати и поступит в продажу новый исторический роман

М. Д. Каратеева.

КАРАЧ — МУРЗА.

Книга эта, в увлекательной форме дающая множество интересных и редких исторических сведений, является вторым томом трилогии, начатой романом „Ярлык Великого Хана”, который был очень высоко оценен критикой и читателями. Она включает 400 страниц текста, несколько карт и таблиц, и во всех странах мира будет продаваться по 4 доллара. По предварительной подписке, до поступления книги в продажу — 3 доллара. Заказы и деньги можно посылать на адрес редакции нашего журнала:

„Free World”, P. O. Box 992, Newark 1, N. J. — U.S.A.

ДОРОГИЕ ПОДПИСЧИКИ И ЧИТАТЕЛИ

Редакция „Свободного Слова” с большой радостью приветствует желание М. Д. Каратеева выпустить в свет вторую часть Трилогии. Нужно сказать, что автор внимательно и добросовестно использовал различные исторические источники, кропотливо работал над ними, и в результате такого труда, автор правдиво осветил историю описываемых времен на фоне истинного русского художественного слова.

Творчество М. Д. Каратеева является исключительно ценным, как в смысле исторической правды, так и в художественном отношении.

Редакция от всей души рекомендует приобрести эту книгу, имея в виду, что знание правдивого, научно обоснованного и высокохудожественного освещения жизни наших предков ценно для каждого русского человека. В этом смысле роман М. Д. Каратеева „Карач Мурза” представляет особенный интерес.

Редакция.